

Я, Науменко Петр Дмитриевич, служил уже 4 года (11 месяцев учился в школе оружия в г. Севастополе). Остальное время на линкоре Новороссийск. После взрыва через 18 дней демобилизовался. Что можно сказать о службе? Не легко было, но и паниковать особо не было причин. Кормили нас хорошо, одевали очень хорошо, на берег ходили не всегда, но ходили. Деньги давали, т.ч. по 100 р можно было выпить – и пили. Я ещё и матери понемногу посылал. На корабле всегда был порядок. Нравилось мне как по воскресеньям пели песни в районе бака и полубака. Танцы. Запомнилось, как 2 моряка танцевали (бацали) вальс-четверку «Крутится-вертится шар голубой». Это было что-то, незабываемо! Помнится, как на увольнение нас возили на большом баркасе. Возил нас Григорян. Баркас был быстроходный, и мы обгоняли всех. Покойный Григорян любил быть впереди. Бывало Зосим Григорьевич на него прикрикнет, а он улыбнется белыми зубами и делает своё дело. Перед увольнением нас строили, проверяли, чтобы мы были чистыми, опрятными и вели себя как следует. Что и говорить – грехи были. На берегу. Не часто, но грешили. Помню, как мы ходили в город Новороссийск в гости. Отправлял нас помощник командира корабля Зосим Григорьевич. Построили нас, доложили ему. Пришёл Зосим Григорьевич и говорит: «Внешний вид проверять не буду – знаю, что там порядок. Хочу предупредить – город портовый, а соответственно в городе может быть всякой «грязи», а поэтому «якоря» глубоко не бросать. И не напивайтесь – мы в гостях. Но, если кто-нибудь перебрал, иди потихонечку на корабль. Если идти не можешь – ползи «рачки», если и «рачки» не можешь – ляг лицом в сторону корабля, и будет видно, что ты стремишься попасть на корабль». Зосим Григорьевич шутил, но доля правды была. В г. Новороссийске нас очень хорошо встретили. В кино и на танцплощадки нас впускали бесплатно. Форма одежды была №2, хотя для местных моряков была другая, кажется, №1. Были в Пицунде, в Поти, но там только купались. Были в Судаке. Далеко от берега стояли. Вода чистая была. В Судаке были в городе.

Купаться любили. Даже на корабле была изготовлена сеткой обтянутая площадка для тех, кто не умел плавать. По выходным возили на шлюпочную базу, и кто хотел, учился плавать. Были возможности учиться плавать, этому придавалось внимание. Хотелось бы вспомнить, как на наших глазах шторм выбрасывал баржи на мель. Крейсер «Сталинград», кажется, выбросило как щепку до берега. Долго его ещё оттуда стаскивали. Шторм был тогда 9 – 10 баллов примерно. Вреда этот шторм наделал много.

Ну, а теперь о самом страшном и трагичном для команды и их родных, и многих и многих других....

Дневальным с 28 на 29 октября 1955г. в кубрике №28 (7 батарей).

1-ая смена – Женя Омельенко

2-ая смена – я, Науменко П.Д.

3-ья смена – Рудковский Илюша

Во время взрыва я бал на вахте. Я прохаживался по коридору в районе корабельного ларька, между 7 и 8 батареями. Там коек не ставили, и можно было больше свободно ходить. Когда прозвучал взрыв, то было слышно, как трещал корпус корабля. И сразу потух свет. Я объявил в кубрике боевую тревогу. Свет был восстановлен, и ребята начали убирать постель, одеваться и уходить на боевые посты. Мне очень хотелось посмотреть, что там делается наверху. Треск был большой, и я думал, что на верхней палубе всё поносило. И я пошёл. Когда я выходил через броневую дверь на полуют, я увидел Зосима Григорьевича. Он меня спросил: «Что случилось?». Я ему ответил: «Не знаю». Но, я ему сказал ещё, что какие-то люди плавают за бортом. Как выяснилось, то были матросы, выброшенные с катеров и шлюпок взрывной волной. После этого разговора Зосим Григорьевич пошел в сторону шкафута,

застёгивая китель, а я пошёл в кубрик продолжать службу. В 3 часа меня подменил Рудковский Илюша. Там он и погиб, царство ему небесное. После смены я вышел на полуют в районе 3 баини калибра. Там я увидел с нашей 7-ой батареей Видяшева А., Рыбникова Ивана и Боря Терских. Мы закурили, и Боря Терских говорит мне: «Иди в кубрик и переоденься в форму 3. Нас выбросят на берег, а ты будешь ходить в робе». Я не пошёл. Мы ещё говорили. Боря, весёлый такой, говорил, мол, никуда линкор не денется и т.п. Я предлагал идти до правого борта, крен на левый был большой. Я ребятам говорю: «Давайте проберёмся к борту, в случае, если перевернёмся, нас накроет». Мы стояли почти посередине корабля, между левым и правым бортом. Но, меня они не поддержали. (Хотя, там пробираться было трудно.) Матросы держались за леера и друг за друга. Я добрался до места под стенкой, где полуют пересекается со шкафутом, до самого борта я добраться не мог. Но меня увидел Иван Сапронов с нашей 7-ой батареей. Он крикнул мне: «Петька, давай руку!» Иван уже ходил по правому борту. Он ухватил меня за руку и вытащил меня на борт. Мы закурили. Иван мне говорит: «Будет валиться, будем кричать». Так оно и было. Мы не успели и покурить, как матросы посыпались в воду. Корабль повалился на левый борт. Когда я долетел до воды и выплыл, меня схватили за руки два матроса. Я сразу подумал, что они хотят тянуть до катера, а они вцепились мне в руки с перепуга и держат. Я понял, что они плавать не умеют. Я им говорю: «Берите меня за полы бушлата, и я вас спокойно дотяну до катера». Но, они молчат и не выпускают из своих рук. Я подумал, что утопающий не отпустит, но и живой в землю не полезет, набрал полные легкие воздуха и начал тонуть. Тонем, тонем – не отпускают. Я мысленно уже попрощался с сестрами, матерью и бабушкой, когда слышу – отпустил сразу тот, что слева, и сразу же справа. Сил нам всем еле хватило выплыть. Смотрю, эти двое поплыли до катера (не важно как, но поплыли!). Я отплыл от корабля, лег на спину и немного передохнул, потом я поплыл до катера. Я проплыл в корму катера, там ниже – борт. В этот момент катер даёт задний ход, и меня потянуло под винты. Я схватился за корпус катера. Там была какая-то сферическая выпуклость, за которую я ухватился левой рукой, а правой грёб воду и кричал: «Застопорите ход!». (Я очень кричал). Когда возле корабля держали двое, я ещё был спокоен, а возле винтов меня такая обида взяла, что я кричал не своим голосом. Очень ругался (пусть мне Бог простит). Не хотелось перед смертью пройти через мясорубку, и очень не хотелось умирать. Финал такой, что мне бросили пожарный шланг в рот, я его схватил зубами, ногами и руками, и меня вытащили на палубу. Потом нас выбросили на госпитальную стенку. Потом мокрых (сухой одежды не хватило) отвезли в школу оружия (кажется так). Там меня перевязали – руки были ободраны ракушками. Дали спирт – это уже было утром. Курсанты освободили нам кровати, и мы, кто хотел, отдыхали.

Видяшев А, Ваня Рыбников и Боря Терских погибли.

1.12.1996 г. Киев